

А. Милюков

Афины и Константинополь

Путевые записки 1857 года

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. Милюков**
Афины и Константинополь: Путевые записки 1857 года / А. Милюков – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 220 с.

ISBN 978-5-458-67688-5

Афины и Константинополь. Путевые записки А. Милюкова 1857 года.

ISBN 978-5-458-67688-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I.

К о р ф у.

Когда я вышелъ въ Триестъ изъ конторы Ллойда, я былъ веселъ и доволенъ, точно театраль, которому въ потѣ лица удалось добыть мѣсто на какой-нибудь вождельнный спектакль. Какъ-же было и не радоваться! Въ карманѣ у меня лежалъ билетъ на право прогулки въ Аѳины и Константинополь и паспортъ, визированный уже въ греческомъ и турецкомъ консульствѣ. Наконецъ-то я увижу этотъ край, на который съ любопытствомъ смотритъ теперь вся Европа. Хотя въ одинъ мѣсяцъ и нельзя будетъ понять смысла всей мистеріи, разыгрываемой теперь на Востокѣ, но я увижу по-крайней-мѣрѣ эту любопытную сцену, съ декораціями Архипелага и Босфора, Акрополя и Серая, взгляну на кого-нибудь изъ актеровъ, а можетъ-быть успѣю подмѣтить два-три явленія, которыя могутъ дать понятіе и о самой драмѣ.

Послѣ завтрака, въ жаркое іюльское утро, сѣлъ я въ лодку и переѣхалъ на Плутоны. Тамъ собралась уже толпа довольно разнообразная, но съ характеромъ еще европейскимъ: изъ-за черныхъ и сѣрыхъ шляпъ кое-гдѣ только выглядывала красная феска, и среди итальянскаго и нѣмецкаго говора изрѣдка слышалась греческая фраза. Когда матросы,

послѣ третьяго звонка, забѣгали на палубѣ, кругомъ ворота, вытягивая якорную цѣпь, Триестъ въ первый разъ показался мнѣ веселымъ. Скользящіе въ гавани паруса адриатическихъ барокъ, полосатые и клѣтчатые, словно маркизы на итальянскихъ балконахъ, бѣлые ряды амфитеатромъ поднимающихся домовъ и за ними извилистая линія дымчатыхъ горъ, — все это отражалось въ морѣ такъ нарядно и кокетливо, что я забылъ скучную жизнь меркантильнаго наслѣдника Венеціи.

Весь переѣздъ нашъ по Адриатическому-мору похожъ былъ на увеселительную прогулку. Ни дождь, ни вѣтеръ не мѣшали любоваться южнымъ воздухомъ... да, именно любоваться! Кто видѣлъ только Балтійское да Нѣмецкое-море, тотъ и представить не можетъ всей прелести Адриатики. Чѣмъ ближе подвигались мы къ Отрантскому-проливу, тѣмъ море и небо становились привлекательнѣе. Албанскія-горы такъ и таютъ въ солнечномъ свѣтѣ. По яхонтовой поверхности моря разбѣгаются свѣтлыя пятна и разводы, точно бѣлое моаре на синемъ атласѣ, а пѣна отъ колесъ парохода брызжетъ молочнымъ каскадомъ. Но что за ночи! Небо все въ золотомъ уборѣ. Звѣзды горятъ такъ ярко, какъ-будто ихъ раздуваетъ кто-нибудь. Вода свѣтится фосфорическимъ блескомъ; отъ пароходныхъ колесъ летятъ искры и огненными полосами гаснутъ за кормою. А въ воздухѣ какая-то теплая влажность. Если-бы не опасеніе познакомиться съ южной лихорадкой, то кажется цѣлыя ночи готовъ-бы присидѣть на палубѣ.

На третье утро пришли мы въ Корфу. Я выбѣжалъ изъ каюты взглянуть первый разъ на Грецію. И первое впечатлѣніе, по-крайней-мѣрѣ въ живописномъ отношеніи, было прекрасное. Огибая маякъ, входили мы въ гавань. Справа, на песчаныхъ холмахъ зеленѣютъ виноградники, и темныя группы тополей перемежаются блѣдной зеленью маслиновыхъ деревьевъ. Прямо на гранитныхъ скалахъ громоздятся въ два уступа гранитная крѣпость, окруженная фортамп, разбросанными на отдѣльныхъ утесахъ, и сливается съ ними

въ одну твердыню. На бастионахъ вѣетъ англійское знамя, и часовые въ красныхъ мундирахъ двигаются взадъ и впередъ по стѣнамъ, сверкая своими ружьями. Налѣво поднимается амфитеатромъ красивый городъ, съ высокими бѣлыми домами, которые тѣснятся и привстаютъ одни надъ другими, какъ-будто затѣмъ, чтобы посмотрѣться въ свѣтломъ заливѣ. А кругомъ синее море и голубыя горы, утопающія въ солнечномъ свѣтѣ.

Въ одну минуту налетѣло къ пароходу множество легкихъ феллукъ. Гребцы въ соломенныхъ шляпахъ, бѣлыхъ рубахахъ съ красной выпушкой и въ страшно-широкихъ черныхъ шальварахъ, прихваченныхъ у колѣнъ и болтающихся назадъ огромнымъ мѣшкомъ, шумно цѣплялись за парходъ. Цѣлая толпа носильщиковъ и комиссіонеровъ наводнила палубу. Греческія, итальянскія, англійскія фразы слились въ одинъ хаосъ неопредѣленныхъ криковъ. И вся эта тревога была почти напрасна: большая часть пассажировъ оставалась на Плутопѣ, который шелъ кругомъ Мореи, прямо въ Смирну и Константинополь. Только я да двое грековъ съѣзжали на берегъ. Парходъ, на которомъ предстояла мнѣ поѣздка въ Лепантскій-заливъ, долженъ былъ отправиться вечеромъ. Онъ стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пристани. Надъ колесами его виднѣлась надпись: *Oriente*.

Я не успѣлъ опомниться, какъ увидѣлъ свой чемоданъ въ рукахъ какого-то господина, съ черной шелковистой бородою, очень прилично одѣтаго. Онъ кланялся мнѣ съ заискивающей улыбкою и, сверкая глазами, на какомъ-то французско-итальянскомъ нарѣчій предлагалъ свои услуги для обозрѣнія города. Знакомый уже нѣсколько съ такими господами въ Италіи, я хотѣлъ напередъ условиться.

— Вы свезете только мою поклажу на парходъ и покажете мнѣ какую-нибудь порядочную гостинницу! — сказалъ я.

— *Si, monsieur!* — отвѣчалъ онъ, прыгнувъ въ лодку прямо съ борта.

— Смотрите-же, я беру васъ только на часъ! — прибавилъ я, сходя въ феллуку.

— Oui, signore! — закричалъ онъ и уперся обѣими руками въ пароходъ, чтобы скорѣе оттолкнуть лодку.

Я сдалъ чемоданъ на Oriente и чрезъ нѣсколько минутъ былъ уже на пристани. Передо мной открылась новая для меня картина. Къ самой набережной примыкаетъ рынокъ. Не смотря на раннее утро, здѣсь все уже было въ движеніи. На площади навалены груды арбузы, желтые персики, свѣжія фиги, невиданная зелень, какія-то большія золотистыя рыбы. Вокругъ движется пестрая толпа: греки въ своихъ неизмѣримыхъ коленкоровыхъ шальварахъ и алыхъ курткахъ, мальчики на ослахъ въ привѣшенныхъ съ обѣихъ сторонъ корзинами, полными зелени и плодовъ, женщины подъ черными кисейными покрывалами, разнощики съ античными лицами, торговцы съ профилью Аякса.

По гладкой макадамовской мостовой поднялись мы въ городъ. Прямая улицы обстроены прекрасными домами въ итальянскомъ вкусѣ. На балконахъ рѣснуты вездѣ полосатыя палатки, уставленные цвѣтами; а большія окна, закрытыя зелеными рѣшетками, точно опустили рѣсницы отъ нестерпимаго сіянія солнца. Черезъ полчаса проводникъ привелъ меня къ Hôtel d'Europe.

— Сколько-же я вамъ долженъ? — спросилъ я.

— О, что пожалуете, signore! — отвѣчалъ онъ съ кротостью.

Я далъ ему два цванцигера. Въ одну минуту улыбающееся лице моего іонійца вытянулось какъ-то свирѣпо.

— Два цванцигера! — закричалъ онъ, возвышая голосъ. — Сеньоръ не за нищаго-ли меня принимаетъ?

— Но вѣдь здѣсь платится комиссіонеру четыре франка за весь день, а мы не проходили съ вами и часа.

— Да развѣ monsieur не знаетъ, что день и часъ для нашего брата одно и то-же? Вотъ такъ-таки все одно, какъ эти пальцы!

И онъ поднесъ мнѣ къ самому носу два растопыренные пальца.

Я подалъ ему еще цванцигеръ. Онъ торопливо схватилъ его, но въ ту-же мнунту закричалъ такъ, какъ-будто я отнималъ у него и прежнія деньги. Мнѣ становилось неловко. Чтобъ отвязаться отъ него, я хотѣлъ уже заплатить за цѣлый день, какъ вдругъ проводникъ мой торопливо повернулся и исчезъ за угломъ. Это меня чрезвычайно удивило. Но загадка тотчасъ-же объяснилась: въ нѣсколькихъ шагахъ показалась рыжая фигура англійскаго полицмена.

Завтракъ мой былъ настоящимъ представителемъ Ионическихъ-острововъ. Мнѣ подали англійскій ростбифъ и цѣлую корзину фигъ и абрикосовъ, портеръ и черный кофе въ миниатюрной чашечкѣ.

Я вышелъ бродить по городу. Не смотря на палящій жаръ, улицы казались оживленными. На нихъ встрѣчаются безпрестанно коляски и кэбы съ англійской упряжью, островитяне въ алыхъ и голубыхъ курткахъ на неосѣдланыхъ ослахъ, католическіе падре подъ широкополыми шляпами à la don Basilio, англійскіе офицеры въ красныхъ мундирахъ, греческіе попы съ большими бѣлыми зонтиками. Все это придаетъ городу видъ очень живописный. Солнце загнало меня въ городской садъ, который называется здѣсь Эспланадой. Какая пышная растительность! Прямые аллеи изъ колоссальныхъ акацій полны тѣнью и прохладой, а между ними— то темный кипарисъ взлетаетъ вверхъ тонкимъ обелискомъ, то вѣрная пальма широко раскидываетъ свои изящные листья. Но запахъ отъ лимонныхъ деревьевъ и цвѣтущихъ гераній такъ густъ и поразителенъ, что черезъ часъ мнѣ стало душно въ этой благовонной атмосферѣ, и я вышелъ перевести духъ отъ ошеломляющаго избытка благоуханія.

На улицѣ встрѣтилъ меня мой утренній проводникъ. Съ необыкновенной кротостью и привѣтливой улыбкой осведомился онъ, доволенъ-ли я гостиницей. Я поблагодарилъ его за любезность, но онъ не отставалъ отъ меня.

— Сеньору надобно посмотрѣть городъ! — говорилъ онъ, забѣгая передо мною.

— Я и безъ васъ увижу!

— Какъ это можно! Non è possibile! Monsieur долженъ взглянуть на домъ графа Каподистри. Лучше меня никто не покажетъ. Да мнѣ и дѣлать-то больше нечего; я теперь совсѣмъ свободенъ. Мнѣ и денегъ не надо... Un zwanziger per tutto giorno, monsieur!

— Послушайте: ежели вы не оставите меня въ покоѣ, то я найду противъ васъ талисманъ.

— Талисманъ, signore! какой это?

— Полисмена! — сказалъ я, возвышая голосъ.

Это магическое слово подѣйствовало сильнѣе, чѣмъ я думалъ. Злой духъ мой исчезъ, точно въ-самомъ-дѣлѣ отъ какого-нибудь волшебнаго заклинанія.

Въ Корфу я замѣтилъ одну общую черту съ Миланомъ. Какъ ломбардцы вездѣ избѣгаютъ австрійцевъ, такъ и греки не сходятся никогда съ англичанами. Ни на улицахъ, ни въ кофейняхъ не видалъ я ни разу краснаго мундира подлѣ бѣлой фустанеллы. Видно, въ наше время отношенія между работодителемъ и притѣсненнымъ вездѣ одни и тѣ-же, будетъ-ли цѣпь между ними просто желѣзная, какъ въ Ломбардіи, или позолоченная конституціями и палатами, какъ на Ионическихъ-островахъ.

Я засталъ корфіотовъ въ сильномъ волненіи. Въ городѣ шли горячіе толки о проэктѣ Англіи колонизировать Корфу. Покровительница Ионической-республики, въ материнской заботливости о процвѣтаніи острова, вздумала заселить его англійскими земледѣльцами. Новость эта взволновала городъ. Затаенная ненависть къ англичанамъ вся вышла наружу. Палата протестовала и выразила народное желаніе о соединеніи острововъ съ Греческимъ-королевствомъ. Конечно, такія желанія передъ стѣнами гранитныхъ фортовъ и подъ сѣнью англійскихъ пушекъ, останутся не больше, какъ утѣшительными *ria desideria*. Но опасеніе-ли общественнаго

миѣнія, какъ говорятъ греки, или скорѣе война въ Индіи подѣйствовала на «коварный Альбіонъ», только онъ на этотъ разъ уступилъ и отказался отъ своего плана іонической колонизаціи. Это чрезвычайно одушевило грековъ.

Когда я зашелъ послѣ обѣда въ кафе передъ Эспланадою, вокругъ столиковъ живописными группами сидѣли греки. Дымя изъ длинныхъ трубокъ, или перебирая зерна своихъ комболой, они шумно толковали о колонизаціи и рѣшеніи палаты, гордо поглаживали усы и кидали вызывающіе взгляды на проходившихъ мимо англійскихъ солдатъ. Тутъ встрѣтилъ я одного изъ пассажировъ Плутона, пожилаго грека, съ которымъ познакомился на пароходѣ. Онъ подсѣлъ ко мнѣ, и мы разговорились.

— Слышали вы, какую гуманную мѣру придумалъ Пальмерстонъ? — сказалъ мой знакомецъ, — населить Корфу англичанами, стереть съ него совсѣмъ греческое населеніе! Какова мысль?

— Однако-же я слышалъ, что гроза прошла на этотъ разъ мимо! — замѣтилъ я.

— А надолго-ли? Англичане не скоро отказываются отъ того, что разъ засядетъ имъ въ голову. Мы сами виноваты: зачѣмъ было отдаваться въ руки Англій! Видѣли форты? Вонъ въ какихъ гранитныхъ объятіяхъ держитъ она друзей своихъ.

— Такъ вы полагаете, что Іоническимъ-островамъ было бы лучше подъ покровительствомъ Россіи?

— Во-сто-разъ лучше. Россія не давила-бы нашей торговли, не захватывала-бы флотовъ нашихъ по проискамъ какого-нибудь Пачифико, не поддерживала-бы въ Греціи разбойниковъ, чтобъ представить ее страной анархической!

— Но вѣдь англичане воздѣлали вашъ островъ, провели шоссе, построили мосты. У васъ есть университетъ, свобода книгопечатанья, палата... она вотируетъ соединеніе съ Греціей, и ее не распускаютъ. Согласитесь, что и это чего-нибудь стоитъ въ наше время!

— Такъ.... да зачѣмъ у насъ на шеѣ вотъ этотъ гранитный ошейникъ!

И онъ показалъ на фортъ, чернѣвшій вдали передъ окнами кофейни.

Солнце садилось, и горы начинали подергиваться темно-синей дымкой, когда я отправился на пристань. По улицамъ пахло миртами и лимонами, и на балконахъ мелькали женскія фигуры, подъ черными кружевными покрывалами. Въ городѣ начинали зажигать газъ, а крѣпость исполнскимъ темнымъ силуэтомъ вырѣзывалась на розовомъ свѣтѣ заката.

Гребецъ съ длинными сѣдыми усами перевезъ меня на Oriente, гдѣ собирались уже поднимать якорь.